

ЛЕОНИД СОЛОВЬЕВ

СОЛНЕЧНЫЙ
MASTER

Леонид Соловьев
Солнечный мастер

«ФТМ»

1939

Соловьев Л. В.

Солнечный мастер / Л. В. Соловьев — «ФТМ», 1939

«...отец умер осенью, когда собирали хлопок, через месяц умерла мать. Зимой Нур-Эддин жил у соседей; в апреле из Ура-Тюбе приехал дальний родственник, знаменитый на всю Фергану художник Усто Сулейман и взял сироту к себе в ученики. – Тебе посчастливилось, Нур-Эддин, – говорили соседи. – Будь внимательным и послушным. Когда ты окончишь учение, все будут уважать тебя так же, как уважают сейчас мастера Сулеймана, ты будешь носить такой же красивый халат и такую же тонкую чалму. Усто Сулейман оказался добрым и приветливым стариком. Семьи у него не было. Нур-Эддина он считал сыном. Вдвоем ездили они из кишлака в кишлак, из города в город – всюду, куда приглашали мастера подновить роспись в мечети. Однажды весной они работали в Шейх-Мазаре. Близилось двухсотлетие со дня смерти великого шейха Раббани, мастеру Сулейману поручили заново расписать мечеть, в которой был похоронен святой. Нур-Эддин растирал краски и мыл кисти, а Сулейман, стоя на подмостках, мудро поучал его. – Вот эту краску, – говорил он, – привозят из Индии. Если добавить к ней немного уксуса, она становится яркой и прозрачной, как рубин, и не тускнеет даже через пятьсот лет... »

© Соловьев Л. В., 1939

© ФТМ, 1939

Леонид Соловьев

Солнечный мастер

Памяти А. М. Горького

Жители Ферганской долины понимают толк в стенной росписи, потому что именно здесь, в семидесяти километрах от Ходжента, находится город Ура-Тюбе, древнейший и славный город художников, мастеров узора и краски. Многие из них были в свое время столь знамениты, что приглашались на работу в Бухару, в Хиву, даже в Персию.

В Ферганской долине, в старинных мечетях Коканда, Ходжента и Андижана до сих пор можно видеть работу прославленных мастеров. На первый взгляд орнамент покажется вам уже потускневшим, но попросите сторожа принести лестницу и стереть пыль сырой тряпкой; краски выступят перед вами такими же яркими, чистыми, как и триста лет назад, когда мастер только что положил их на загрунтованную стену. Словами не передать все богатство цветов и оттенков и благородство их сочетаний, и можно час простоять в мечети, любуясь прихотливым узором, открывая в нем все новые совершенства. И если увидите вы, что в росписи преобладают тона темные, краски лежат густо и немного тяжело, знайте, что это делал искуснейший Хаким-Мухаммед, а если узор весело перебирает золотое, синее, белое, лиловое, гранатовое и голубое и краски такие легкие, светлые, прозрачные, что кажется, будто каменная стена под ними вся просвечивает насквозь, – тогда благоговейно склоните голову: здесь работал непревзойденный, единственный в мире Усто Нур-Эддин, сам великий Нур-Эддин, по прозвищу «Солнечный мастер».

Он довел орнамент до высшей степени совершенства, приблизив его чудесным и удивительным образом к музыке. В те годы фанатический ислам достиг зенита своего могущества, это была страшная диктатура мертвой и бессмысленной догмы. Одержимый изуверской ненавистью ко всему земному, ислам запретил всякое изображение живых существ; живопись и скульптура в Средней Азии были начисто уничтожены, их сменил беспредметный, целиком условный орнамент, отцом которого был коран, а матерью – геометрия. Судьба зло посмеялась над Солнечным мастером, заставив его родиться художником и лишив возможности писать картины. В этом смысле он был бы похож на гениального, но глухонемого актера, который один во всем мире знает о величественных образах, живущих в его душе. Я говорю – «он был бы похож», но гигантским напряжением всей своей творческой воли Солнечный мастер сотворил чудо, равное оживлению камня, – он вдохнул жизнь в мертвую, закостеневшую геометрию орнамента. Подобно музыканту, обладающему удивительным даром рассказывать, не прибегая к словам, одними лишь сочетаниями семи основных тонов и ритма, веселые и грустные, гневные и скорбные повести о себе и о мире, – подобно музыканту, Солнечный мастер умел в сочетаниях семи основных красок и четырех фигур (квадрата, треугольника, круга и эллипса) создавать бесконечно богатые и радостные образы живого мира. Никто их не видел, но все их чувствовали, они жили, неуловимые, где-то в изгибах линий, в переходах красок, в полутенях, которые вдруг неотразимо напоминали горячую розовость тела, чуть-чуть обожженного ослепительным ферганским солнцем. Не зря говорится в одном предании, что дети всегда смеялись перед узорами Солнечного мастера.

После него уже не было великих мастеров орнамента, это искусство опускалось все ниже и ниже и совсем выродилось в годы захвата Азии войсками Александра II. Ханский дворец в Коканде, законченный постройкой в 1870 году, яркое тому подтверждение: он расписан крикливо и грубо, шероховатыми базарными красками. Постепенно исчезали замечательные кустарные пиалы, чайники и цветные шелка, вытесняемые пестрой дешевой кузнецовских и прохоровских фабрик. Грубые минеральные и анилиновые краски заменили старинную индий-

скую лазурь и астрабадский кармин Если и оставался во всей Фергане десяток порядочных мастеров, то все они были копировщиками, повторяющими своих учителей, некоторые пробовали подражать Нур-Эддину и всегда неудачно: получалась пестрая рябь красок – больше ничего. Вскоре наиболее предприимчивые мастера включили в набор своих инструментов русские трафареты, и стенная роспись окончательно перешла в разряд малярных работ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.